

Ричард С. Пратер

Троянский катафалк

Шелл Скотт

Ричард Пратер

Троянский катафалк

1964

Пратер Р. С.

Троянский катафалк / Р. С. Пратер — 1964 — (Шелл Скотт)

Уворачиваясь от гангстерских пуль, Шелл Скотт выводит на чистую воду нечестного кандидата в президенты.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	12
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ричард С. Пратер

Троянский катафалк

Глава 1

В тот день они откопали Джонни Троя. Сначала похоронили, потом откопали. Они ворвались на кладбище, их было не менее тысячи. Они рыли еще мягкую землю лопатами, руками, скрюченными пальцами. Они подняли его гроб из могилы и покатали, как бревно, по земле. Потом они вытащили его труп из гроба и попытались разорвать на куски. Они колотили его и поддавали ногами, ломали кости и вырвали у него оба глаза. Затем, когда они покончили с Джонни Троем, почти нечего было хоронить, вернее перезахоронивать. После этого они отправились голосовать, потому что все это проделали с Джонни во вторник после первого понедельника ноября 1968 года, в день президентских выборов, которые должны были обеспечить нам резкий скачок из десятилетий неразберихи и беспорядка в «надежные семидесятые». К этому времени Джонни покоился в могиле уже три дня, но этого было недостаточно для народа, потому что он был его кумиром. Они любили его «любовью, которая была больше любви». Естественно, теперь они ненавидели его ненавистью, которая больше ненависти. Ад не знает ярости страшнее, чем ярость взвинченной, доведенной до безумия толпы, а толпа была доведена до безумия Джонни Троем. Он сам являлся символом вымогательства. Народ этого не знал вплоть до того дня, когда его выбросили из могилы и буквально растерзали. Возможно, они бы никогда про это не узнали, если бы кто-то им об этом не рассказал.

Кто же им рассказал? Об этом им рассказал я.

Глава 2

Я – Шелл Скотт. Моя профессия – частный детектив. Мой офис и дом находятся соответственно в Лос-Анджелесе и Голливуде, в предсердии и желудочке страны ротозеев и глупцов, но даже при этом только ветренная фортуна могла избрать меня орудием безудержного идиотизма в городе Ангелов и неслыханного обращения с Джонни Троем. Но от фортуны можно ожидать чего угодно!

Полагаю, что слабоумие охватило город на протяжении тех трех дней. За эти три дня я нарвался или вырвался из лап босса мафии и его многочисленных приспешников, от главы самого мощного агентства в стране, от самых странных типов, которых я когда-либо встречал: художников, писателей, скульптуров и поэтов, от одной – двух хорошеньких девушек, от самого знаменитого в стране говоруна, который столкнулся с Зигмундом Фрейдом в сражении для оболванивания простых смертных и положил его на обе лопатки. Я даже встретился с обоими кандидатами на пост президента Соединенных Штатов. Один из них пожал мне руку, второй обозвал ублюдком. Да, так грубо. Были и другие. Но самый последний – покойный Джонни Трой.

Разумеется, он не был покойным тогда, когда я встретился с ним. Он был даже излишне живой и, возможно, самый красивый мужчина, которого я встречал в своей жизни. Здоровенный верзила. Мой рост равняется шести футам и двум дюймам при весе двести шесть фунтов, достаточно солидный малый, верно? Но Трой при таком же весе, разве что на пяток фунтов потяжелее, был выше меня на целых два дюйма. Он был сложен, как молодой Атлас. Ему было двадцать восемь лет, но он нравился всем женщинам, начиная с тринадцати лет и до глубокой старости. Старушки питали к нему материнские чувства, помоложе мечтали быть задушенными в его объятиях, ну, а самые юные согласны были, на худой конец, называть его своим братом. Я не преувеличиваю. Он был величайшей фигурой, появившейся на горизонте преклонения перед кумиром, примерно со времен Рудольфа Валентине. Представляете, такая комбинация Дугласа Фербенкса, Энрико Карузо, Махатмы Ганди и Джонни Эпилсила. Он был певцом. Этим все объясняется, конечно, но для начала возьмите его голос. Это был голос, которому невозможно было не поверить. Все эпитеты употреблялись в превосходной степени, критики не критиковали. Молодежь до двенадцати лет при виде его замирала от восторга, дамы среднего возраста провожали его обожающими взглядами, бабушки улыбались нежно, на их физиономиях появлялось умиротворенное выражение. Мужчины тоже. Получалось, что он вроде не затрагивал в женской душе те струны, которых не было у мужчин, ибо он нравился мужчинам не меньше, чем представительницам прекрасного пола. Они им даже восхищались. У меня самого не менее двадцати пластинок Джонни Троя, среди них есть несколько редких. И я мог часами слушать золотые ноты, сладкоголосое печальное пение, богатые низкие тона и великолепную дикцию Джонни Троя. Несомненно, он был самым популярным шансонье Америки, исполнителем поп-песен: "Любовь и весна", "Луна и разлука". Но в его репертуаре имелось и несколько негритянских религиозных гимнов, которые, казалось, затрагивали что-то хорошее, глубоко запрятанное в душах людей. Любых людей, коли вас это интересует. На одной пластинке Джонни записал только религиозные гимны, она разошлась тиражом в два миллиона триста тысяч. Если вы мне не верите, можете справиться в торговом департаменте, ведающем продажей пластинок.

Я еще не все сказал про Джонни Троя, в свое время добавлю еще кое-что. Но для меня эти три невероятных дня начались с визита ко мне маленькой девушки, Сильвии Вайт, сестры Чарли Вайта. Чарли был компаньоном Джонни Троя, даже больше: он был его ближайшим другом, приятелем, "сиамским близнецом по духу и разуму", как его называли, верным Пятницей Джонни. И Чарли Вайт умер. Он умер в четверг. Его сестра явилась ко мне в субботу.

Должно быть, это было верным трюком чертовской судьбы. Утром по субботам я либо еду к себе в офис, на окраину города, либо не еду. В зависимости от того, хочется мне этого или нет. В эту субботу мне не захотелось, и я остался. Я проснулся сам, без будильника, что было для меня не только не характерно, но и вообще беспрецедентно, и соскочил с кровати лишь для того, чтобы почувствовать, с каким удовольствием я бы еще повалялся часок-другой.

– Ах, Лидия, – подумал я. – Лидия была тем томатным соком, которым я накануне поужинал. Голова у меня зверски трещала: разумеется, мы с ней изрядно выпили... Фактически у меня болела не только голова, я не вполне отдохнул. Но зато чувствовал себя на высоте.

Душ, бритье, кофе, небольшая уборка в комнате, надо было покормить тропических рыбок в аквариуме, после чего подмигнул портрету безнравственной, но чертовски эффектной Амелии на стене, которая, казалось, всегда отвлекала меня от мыслей о завтраке. И вдруг, бог мой! Раздался неожиданный звук. Такой звук издает звонок на входной двери в мою квартиру номер двести двенадцать в "Спартанском" многоквартирном отеле Голливуда.

Я пошел открывать.

– Мистер Скотт?

Она походила на фарфоровую куколку...

Сначала я принял ее за подростка, девочку лет девяти-десяти, но потом получше взгляделся в ее миловидную мордашку и миниатюрную, но отнюдь не плоскую фигурку, притягивающую взгляд своими плавными линиями. Ей было лет двадцать, минимум двадцать один, но ростом она была не более пяти футов, возможно, даже на пару дюймов пониже.

– Да, мадам. Шелл Скотт. Входите...

Она вошла, но как-то неуверенно.

– Я звонила вам в офис. Надеюсь, вы не...

– Все в порядке. Очевидно, вам известно, что я детектив?

– Да, вот почему... Поэтому я здесь.

Мы уселись на коричневом диване и внимательно посмотрели друг на друга. Мне показалось, что я ее немного напугал. Начну с того, что я раз в восемь превосхожу ее размерами. Затем мои почти белые волосы длиной примерно в дюйм, дыбом стоящие на голове. Они необычайно упругие. Вероятно, если бы я отпустил их подлиннее, я бы походил на дирижера симфонического оркестра за пультом при исполнении современной музыки. И такие же светлые брови, к счастью, менее пружинистые, над серыми глазами на не совсем, как мне хотелось бы думать, устрашающей физиономии. Правда, пару раз мне ломали нос, однако хирургу позднее удавалось восстанавливать его в первозданном виде. А один умирающий хулиган отстрелил мне мочку левого уха, прежде чем окончательно испустить дух. С моим лицом случались вещи, которые противопоказаны даже бамперам машин. И тем не менее у меня чудом уцелели хорошие белые зубы, квадратная челюсть, да и загар у меня красивый... Во всяком случае, у меня определенно здоровый вид, а это немало, согласитесь!

Но хватит про себя.

У нее были неправдоподобно голубые, почти фиалковые глаза с поразительно длинными ресницами и гладкие черные волосы, откинутаые с высокого лба. Кожа у нее была белой, почти светящейся. Кто-то написал, если не ошибаюсь, про Шелли, что у него кожа с подсветкой изнутри. Если это так, то у Шелли цвет лица был точно таким же, как у этой девушки. У нее были тонкие черты лица, маленький ротик с розовыми губами и голос, напоминающий перезвон китайских колокольчиков. Она разгладила широкую юбку своего яркого платья с красно-сине-желтым рисунком, провела рукой по черным волосам и заговорила. Она звалась Сильвией Вайт. Ее брат – Чарли Вайт, друг Джонни Троя. Лишь несколько месяцев назад она повстречалась вновь с братом после многолетней разлуки. Они родились в Спрингфилде, штат Калифорния. Нет, конечно, штат Иллинойс, где она прожила до одиннадцатилетнего возраста. Чарли на шесть лет старше ее. Затем их семья распалась. После развода мать уехала вместе с ней,

Чарли остался в Иллинойсе с отцом. Мать вышла замуж вторично, они перебрались в Южную Америку, а полгода назад вновь возвратились в Штаты, в Калифорнию.

– Мы с Чарли время от времени обменивались письмами, так что мне было известно, что он в Калифорнии. В июле я его отыскала. Мне казалось глупым жить так близко и не видеться с ним. Брат и сестра.

Она впервые слегка улыбнулась и чуточку расслабилась.

– У-гу. Значит, вы с ним встретились в июле? Впервые, как я понимаю, за десять лет?

Она снова улыбнулась.

– Совершенно верно, мне двадцать один год. Сначала мы держались почти как чужие, но постепенно все встало на свои места. Он преуспел в жизни, у него была прелестная квартира в "Ройалкресте"... – Голос у нее задрожал.

Чарли Вайт свалился с балкона своей квартиры в прошлый четверг. Во всяком случае, я посчитал, что это было так. Пролетев восемь этажей, он упал на тротуар.

Сильвия продолжала:

– Он любил приходить к нам с мамой обедать. Так бывало раза два-три в месяц. Но в последний раз он страшно нервничал, был какой-то взвинченный. Что-то его беспокоило.

– Он не сказал, что именно?

– Нет. Я спросила его, но он ответил, что должен сам во всем разобраться, принять какое-то важное решение, но я не знаю, в чем именно. То, что он был чем-то угнетен и находился в сильном напряжении, бросалось в глаза, поэтому я не удивилась, когда он сказал, что хочет проделать анализы.

– Анализы? Вы имеете в виду лечь на обследование?

– Да. Он начал посещать доктора Витерса две или три недели назад.

Это было интересно. Я спросил:

– Если он находился в состоянии депрессии, вы, возможно, предполагаете, что его смерть не объясняется несчастным случаем?

– Если вы говорите о самоубийстве, нет. Я об этом долго думала. Как раз перед тем, как это случилось, он явно успокоился, напряжение ослабло. Я разговаривала с ним по телефону примерно за час до его гибели. Он был в прекрасном настроении, смеялся, шутил. Я даже не удержалась и сказала ему, что меня это радует, а он ответил, что все взвесил и принял очень важное решение. Теперь он будет свободен, так он выразился, что снова чувствует себя счастливым, ему давно нужно было это сделать. Он добавил, что у него такое чувство, будто с его плеч упал огромный груз. Так что вы понимаете, что он просто не мог покончить с собой практически сразу же после такого хорошего разговора со мной.

Я не стал с ней спорить, но это ровным счетом ничего не доказывало. Частенько люди, находящиеся в состоянии депрессии и решившиеся наложить на себя руки, испытывают огромное облегчение. А слова о свободе означают смерть.

– Полиция посчитала его гибель результатом несчастного случая. Вы с этим не согласны, не так ли? Иначе бы здесь не были, верно?

– Ну, дело в том... Я не знаю, говорил ли он серьезно или нет. Он тогда сильно смеялся...

– Смеялся?

– Ну да. Он собирался в тот вечер приехать к нам на обед и пообещал мне все рассказать...

Она помолчала:

– И вот тут-то Чарли мне сказал очень странную вещь. Он сказал, что все мне расскажет, если только до этого его никто не убьет.

Я заморгал.

– Он сам так прямо и сказал, что считает возможным, что его убьют?

– Ну да, так и сказал, а потом сразу же стал смеяться.

Такой смех мне не понравился. Парни, которые говорят о том, что их кто-то преследует, а потом начинают по этому поводу веселиться, как правило, находятся в маленьких комнатухах с забранными решеткой окнами и крепкими запорами на дверях. Они не отвечают за свою болтовню и ...

– Заметив, что я разволновалась, он стал уверять, что это просто шутка, – продолжала она. – "Величайшая шутка в мире", – так он выразился. – В действительности никто не сумеет убить его. У него имеется иммунитет. Я не знаю, что он имел в виду, но он так выразился. Иммунитет.

Теперь я разобрался в личности Чарли. Мысль о возможности быть убитым веселила его. Пули проходили сквозь него, не причиняя вреда. Он мог безболезненно слететь вниз с балкона. Он мог есть стекло. Он...

– Я понимаю, что это звучит безумно, – говорила Сильвия, – но Чарли не был сумасшедшим, мистер Скотт. Он был таким же разумным, как вы.

– Ну, по некоторым людям...

– Таким образом он никогда до этого со мной не говорил. Кроме того, перед тем как повесить трубку, он сказал мне, чтобы я не беспокоилась, что я все пойму, когда он вечером мне объяснит. Весь мир поймет. Таким образом, он имел в виду что-то важное.

Да-а. Если весь мир будет смеяться, то это наверняка что-то важное. Умилительная вера сестры в своего старшего брата. Совсем как материнская любовь: послушайте, все помешались и возводят напраслину на моего мальчика.

Я сказал:

– Мисс Вайт, я не уверен, что полностью с вами согласен... Я не стал уточнять. Бессмысленно говорить ей то, что тут на лицо характерная картина шизофрении. Вместо этого я произнес:

– Чего же вы от меня хотите?

– Выяснить, кто его убил. Я заплачу пятьдесят долларов. – Она это выпалила без остановки.

Сначала я решил, что она такая же чокнутая, как ее братец, но потом сообразил, в чем тут дело, и это меня даже подкупило. Ее ручки были сжаты в кулачки, а румянец смущения окрасил щеки. Она продолжала торопливо, как будто опасаясь, что ей не хватит смелости договорить до конца:

– Я хочу сказать, попытайтесь выяснить. Я понимаю, что пятьдесят долларов, наверняка, недостаточно, я буду должна вам остальное. Я имею в виду деньги. Если вы это сделаете... попытайтесь сделать. У меня будут деньги, только позднее, а это можно посчитать первым взносом. Понимаю я и то, что все это звучит не слишком убедительно, чтобы не сказать глупо. Только Чарли не был ненормальным... И я его очень любила. Я боюсь, что не сумею вам все это толком объяснить, но мне нужно было попытаться... – Неожиданно она расплакалась, старалась улыбаться и плакала. Звонящие слова сменились подавленными рыданиями, слезы брызнули из ее глаз. Она рыдала так, как будто чувствовала приближение смертного часа, ее фарфоровое личико исказилось от боли, губки были сжаты, а слезы проделали две дорожки по щекам.

– Эй, это не дело! Послушайте, не надо, все о'кей. – Я вытащил из кармана носовой платок и сунул его ей, потом вскочил с дивана и пошел к стене, но тут же в смятении возвратился назад, повторяя свое "эй". Плачущие женщины приводят меня в ужас. Она спряталась за моим платком, потом открыла лицо.

– Ну, – заговорил я, – не знаю, что я сумею выяснить, но я попытаюсь. Однако не удивляйтесь, если мне не удастся обнаружить ничего жуткого. Откровенно говоря, я сомневаюсь, что произошло убийство.

– Но вы попытаетесь узнать?

– Да, хотя мне не верится... Послушайте, не начинайте сызнава. Женщины готовы плакать по любому поводу...

– Я уже в порядке.

– Послушайте, расскажите мне, что можете, про Чарли. Он ладил с Джонни Троем? "Пусть говорит о чем угодно, – подумал я, – лишь бы перестала плакать".

– Несомненно. Понимаете, почти все время они проводили вместе.

– Угу. Вам известно, как они познакомились? Что у них было общего прежде всего?

– Чарли мне сказал, что практически он и "открыл" Джонни, первым распознал, что у него истинный талант. Чарли сам мечтал стать певцом, понимаете. Когда он был помоложе. В возрасте двадцати лет он пел в нескольких клубах. Он мне об этом писал. Но он провалился.

– Я этого не знал, – сказал я, радуясь тому, что она мне об этом сказала. Этим можно было объяснить, почему он привязался к Трою. Впрочем, я мог и ошибаться.

– Из него настоящего певца не получилось, но в музыке он хорошо разбирался. Он сочинил три самых популярных шлягера для Джонни. Вы об этом знаете?

– Нет.

Этого я тоже не знал.

– Во всяком случае, шесть лет назад Чарли услышал, как Джонни пел в одном из ночных клубов в Сан-Франциско, ну и подписал с ним контракт, я точно не скажу, что именно. Потом он повез его показать мистеру Себастьяну, остальное, полагаю, известно всем.

Себастьян, которого она упомянула, был Юлиссом Себастьяном, основателем и президентом агентства талантов, носящего его имя, человеком, который ворочал несколькими миллионами, воплощенными в разного рода талантливых людях. Агентство Себастьяна было крупнейшим, объединяющим самых знаменитых клиентов, и номером первым в этом списке стоял Джонни Трой. Четыре года назад Юлисс Себастьян объявил, что знакомит публику с новой звездой, Джонни Троем, назвав его так еще до того, как кто-то его услышал. И, как обычно, Себастьян оказался прав. Затем появилось "Чудо любви", "Весть любви", за которыми вышла пластинка "Давайте любить" и десятки других, а Джонни Трой стал членом двенадцати корпораций и занялся большим бизнесом. Не только альбомы пластинок, но фотографии с личной подписью, личные встречи, два кинофильма с его участием, рубашки "Джонни Трой" и пиджаки, мыло для бритья и костюмы для гольфа – все это множило его славу. Как всегда бывает в подобных случаях, вокруг Троя толпилась свора прихлебателей, гордо именовавших себя "почитателями его таланта". Они приходили и уходили, большинство из них было другими клиентами Себастьяна, "посторонних" были считанные единицы, но постоянной фигурой среди них был Чарли Вайт. Он находился рядом с Джонни с самого начала и не покинул его до конца. Он был "преданным стариком", верным другом, причем "верный" было совершенно заслуженным эпитетом. Он был членом всех двенадцати корпораций Джонни Троя, почти всегда был вместе с Джонни, они даже жили в соседних апартаментах в "Ройалкресте". Это заставило меня немного призадуматься. Внешне все было удивительно мило и очаровательно, но я сомневался. Сильвия сказала, что ее брат пытался стать профессиональным певцом, но у него ничего не получилось. И вот уже четыре с лишним года он является тенью обожаемого, всеми превозносимого, бесподобного Джонни Троя. Поскольку отраженная слава вовсе не является славой, некоторые люди могут мириться с таким положением вещей весьма болезненно, они прячут далеко зависть, ревность, горечь, бремя которых с каждым днем становится все невыносимее... Но, возможно, я ошибался.

Мы с Сильвией поговорили еще несколько минут, но ничего существенного это мне не дало. Во всяком случае, она больше не плакала, что было уже хорошо. Наконец она поднялась, чтобы уходить, и я вновь пообещал сделать все, что в моих силах. Сказал, что сразу же стану наводить справки, а завтра позвоню ей утром. Она жила с матерью и отчимом в Санта Эйце, но временно остановилась в Голливуде в отеле "Хэллер".

– Я вам очень благодарна, мистер Скотт, – сказала она.

– За что?

Я даже ей подмигнул.

– Это моя работа, понятно?

Она улыбнулась.

– Если это будет дорого стоить...

– Перестаньте об этом беспокоиться. Во всяком случае, хотя бы сейчас. Посмотрим, что мне удастся сегодня выяснить.

Я почти не сомневался, что знаю, что Чарли Вайт, вообразив себя орлом или другой птицей, полетел со своего балкона на восьмом этаже, размахивая руками вместо крыльев. Но, когда Сильвия уже стояла у двери, она протянула мне скомканные пятьдесят долларов. Я взял их, что означало, независимо от того, какие мысли мелькали у меня в голове, что я не успокоюсь до тех пор, пока не выясню решительно все о гибели Чарли Вайта. Как я считал, за день я успею со всем управиться. Ничего сложного. Одно из тех неинтересных заданий, которые не требуют ничего, кроме терпеливой проверки.

Глава 3

Ну что ж, пусть это дело не будет таким уж захватывающим, но я был рад получить работу. На протяжении двух недель ничего особенно интересного не случилось, и потому, что я был увлечен, как все остальные, исходом выборов, до которых оставалось всего три дня, я как бы перенасытился предвыборной кампанией, обвинениями и контробвинениями и контр-контробвинениями, так что мне было полезно хотя бы временно отвлечься и заняться чем-то другим, если удастся. Кампания достигла такого уровня, когда на каждом шагу тебя подкарауливали имена кандидатов: Хэмбл – Эмерсон, Эмерсон – Хэмбл. В результате человек был готов отдать свой голос и той, и другой стороне, только чтобы они заткнулись и дали возможность тебе отдохнуть от их настойчивых воплей. Но, к сожалению, ты мог выбрать лишь одного, обидев таким образом другого. Более того, в воздухе чувствовалось электричество, напряжение и беспокойное недовольство, передававшееся от одного к другому. Кампания была на редкость жаркой и упорной, на этот раз люди были возбуждены до неистовства, болезненно отстаивая свое мнение. Возможно, все дело было в том, что кандидаты на пост Президента являлись представителями двух противоборствующих философий. Хорейн М. Хэмбл был речистым, красивым, искренним сторонником федерального решения всех проблем, а его противник, Дэвид Эмерсон, был не менее искренним, хотя не таким красивым и речистым, и который, похоже, не мог согласиться ни с чем, что Хэмбл заявлял после достижения совершеннолетия.

Это было настоящее сражение, охватившее средства массовой информации. Неофициально, конечно, считалось, что Хэмбл одержит победу без особого труда, но не исключалась возможность того, что именно избиратели Калифорнии в последнюю минуту спутают ему все карты. В результате оба кандидата наметили ряд митингов в самые последние дни перед выборами в Лос-Анджелесе вечером в воскресенье и днем в понедельник, накануне дня выборов.

Оба кандидата имели широкий круг разногласий. Практически в их платформах не было ничего общего. Но проблемой, которая стала символизировать их неодинаковый подход к решению любого вопроса, как ни странно, была задача флюоридации водопроводной воды. Хэмбл стоял за обязательную флюоридацию. Эмерсон отвергал всю концепцию. В итоге обе группировки осыпали друг друга оскорблениями, обвиняли их во всех смертных грехах и лишь накаляли предвыборную обстановку. Я пришел к печальному выводу, что мир утратил чувство реальности. Хотя, возможно, я ошибался: все дело было в горсточке людей, которое поднимали немыслимый шум по любому пустяку. Так или иначе, такова была напряженная обстановка, в которой я пустился в плавание, с целью задать кое-кому несколько самых простых вопросов о Чарли Вайте. Я заставил себя полностью позабыть об избирательной кампании, заняться своими прямыми обязанностями и таким образом спастись от массового психоза. После того как я ознакомился с информацией в полицейском и газетном архиве, я возвратился к себе и сел к телефону. Что касается полиции, то, по их мнению, это был несомненно несчастный случай: Чарли Вайт перегнулся через перила балкона, упал вниз и разбился. Они не предполагали, что он проделал это намеренно, во всяком случае, ничего не было сказано о диком смехе.

Версия убийства официально не рассматривалась.

Я договорился о встрече с доктором Витерсом, знаменитым специалистом по психическим заболеваниям, который, если верить Сильвии, взялся лечить дурь Чарли. Я добился этого свидания, настаивая на том, что оно имеет колоссальное значение, что это вопрос жизни и смерти, что в конечном счете было правдой. Себя я назвал просто "мистером Скоттом", не упомянув о том, что я детектив. Потом я позвонил в агентство Юлисса Себастьяна и нарвался на болтуна, который, как мне удалось не слишком быстро понять, был секретарем секретаря. Переговоры были долгими и упорными, но все же мне было обещано интервью на час тридцать после того, как я сообщил свое полное имя, род занятий, наиболее примечательные факты из

своей карьеры, описание внешности, которому он не поверил, и объяснил, что мой визит связан со смертью Чарли Вайта. Добраться до Джонни Троя мне не удалось ни по телефону, ни иными путями.

Так что в самом начале второго я отправился в агентство Себастьяна.

Прежде всего это было высокопоставленное место. Нужно признать, что Себастьян относился к самым известным и влиятельным людям в Соединенных Штатах не только потому, что некоторые из самых крупных величин в области искусства и эстрады были его клиентами, но и потому, что он сам был необычайной птицей. У него были друзья в шоу-бизнесе, политике, среди издателей, педагогов, людей высшего света, на Уолл-стрит – практически повсюду. Агентство Себастьяна было уникальным, оно не являлось просто литературным, актерским или художественным, оно было всеобщим, комбинированным. Агентство представляло любого человека с выдающимися способностями. Себастьян организовал его в 1955 году, когда у него было с десяток клиентов, но половина из них уже тогда была хорошо известна в соответствующей области: два прозаика, один драматург, политический обозреватель и журналист, написавший несколько бестселлеров серьезного содержания, актриса, получившая премию Академии, и художник, занимающий верхнюю строчку в списке представителей "необъективного" искусства. Сегодня, через тринадцать лет, агентство представляло десятки писателей, поэтов, художников, ораторов, скульпторов, танцоров и так далее. Став клиентом Себастьяна, вы как бы получали гарантию успеха в недалеком будущем... Как только договор с Себастьяном был подписан, барабаны начинали бить, имя склонялось и спрягалось повсюду, попадало на радио и в телепрограммы, в печать, публика его "признавала" до того, как с ним знакомилась. Классическим примером такой "себастьянизации" была карьера Джонни Троя. Агентство Себастьяна размещалось в шестизэтажном здании на Сансет-бульваре в Голливуде, примерно в полумиле восточнее Стрипа. Весь пятый этаж занимало агентство, а также "троянские предприятия", которые занимались фотографиями Троя, письмами почитателей и тому подобными делами.

Я вывернул с Сансет на Огден Драйв, припарковал свой "кадиллак" и вернулся пешком на бульвар. Справа, через Огден, находился не слишком новый кирпичный дом Себастьяна. Он там начинал, тогда этот дом называли "белым зданием", теперь же он владел им и все еще находился в нем, хотя к этому времени, возможно, приобрел здоровенный ломоть бульвара Сансет.

До недавнего времени здесь же стояло старое десятиэтажное здание Государственного банка, но сейчас его сносили вместе со всем кварталом старых построек. Возле него орудовал подвижной кран. С конца стальной стрелы на толстенном канате свисала огромная чугунная груша, которую в народе называют "болиголовом" или же "череподробилкой". Оператор на кране нажал на какие-то рычаги, груша качнулась назад, затем вперед – и обрушилась на остатки кирпичной стены, после чего их стало заметно меньше. Парень в кабине работал лихо, и, хотя было плохо видно, мне показалось, что я его знаю. Если это действительно Джек Джексон, то сейчас он мой добрый приятель. Правда, так было не всегда. Но часы показывали 13.26, а эти секретари, как правило, такие же холодные, как морозильная камера в мясном магазине. Поэтому я прибавил шагу и прошел по Сансет к зданию Себастьяна. Большая часть первого этажа была занята местным штабом "Хэмбл на пост президента". Я обогнул его, вошел в центральный вход и поднялся на пятый этаж. Выйдя из лифта, я посмотрел вдоль длинного коридора, устланного ковром, окаймленного рядами одинаковых дверей с матовыми стеклами. Двери поминутно открывались и закрывались. Где-то вдали звонили телефоны. Я подавил в себе изумление и шагнул к ближайшей двери с надписью "Агентство Себастьяна", под которой имелась вторая – "Офис Президента". Я даже не стал стучать, легонько подергал ручку и вошел. Это был маленький кабинетик, в котором единолично властвовала потрясающая брютнетка за письменным столом розового дерева. Стол был достаточно низким, чтобы продемонстрировать в полном объеме ее узкую талию, умопомрачительный бюст, красивое высокомер-

ное лицо. Если мужчина вынужден был ждать приема, он не стал бы возражать посидеть в этой маленькой приемной. Но брюнетка сразу же проводила меня в настоящую приемную. Там было двое секретарей и девушка у коммутатора. У одной из секретарш был весьма квалифицированный вид, вторая же была смазливой куколкой. Я шагнул к куколке, первая тут же спросила:

– Мистер Скотт?

– Да.

– Мистер Себастьян вас ожидает.

Она взглянула на свои часы и удовлетворенно кивнула головой:

– Вы можете войти.

Было ровно час тридцать. Я прошел к двери, на которую она указала холодным взглядом, отворил ее и оказался в присутствии великого человека. Комната была просторная. Ковер и стена были красного цвета новеньких денег, потолок более светлой пастельной зелени. На левой стене выделялись яркие цветные пятна – картины и эскизы клиентов Себастьяна плюс огромное количество фотографий клиентов. На правой стене висела огромная цветная фотография Джонни Троя, на которой он выглядел сексуальным, как сатир. Его четырнадцать золотых дисков протянулись в линейку вправо и влево от портрета. Осталось место еще для шести-семи штук, и я решил, что в скором времени он их получит.

Вдоль стены под портретом протянулся огромный черный кожаный диван, два таких же стула находились у противоположной стены, а третий был придвинут к колоссальному черному письменному столу, за которым восседал Юлисс Себастьян. Я сотни раз видел его по телевидению и на снимках в газетах и журналах, но встретились мы только впервые. Он произвел на меня большое впечатление. В нем чувствовалось тепло, жизнелюбие, внутренняя сила, которую не могла запечатлеть ни фотокамера, ни телекамера. Когда я вошел, он поднялся и вышел навстречу мне из-за стола, говоря с обаятельной улыбкой:

– Мистер Скотт? Я бы вас все равно узнал.

Как это вам нравится? И это говорил человек, челюсть которого была известна повсюду от Аляски до Мексики!

– Хэлло, мистер Себастьян. С вашей стороны было очень любезно согласиться меня принять.

Мы обменялись рукопожатием. Себастьяну было лет пятьдесят, он был приблизительно моего роста, но очень худощавый, на нем был надет великолепно сшитый темно-серый пиджак с искоркой и более светлые брюки, голубая рубашка с аккуратно завязанным галстуком. У него были длинные волосы с проседью на висках, которые он закладывал за уши. Глаза у него были черные, как грех, и он был дьявольски красив. Пожалуй, его портило слегка сардоническое выражение, как будто он смотрел на весь окружающий мир и на меня в том числе пренебрежительно. Однако в его голосе и манерах это не ощущалось.

– Проходите и садитесь, мистер Скотт, – сказал он.

Я заметил, что он слегка шепелявит, с каким-то присвистом произносит звук "с", и получается это у него даже приятно.

Он возвратился на свое место за столом, а я устремился к черному креслу.

– Мой секретарь предупредил, что вы хотите видеть меня по поводу Чарли, – продолжал он. – Вы представляете его наследников?

– Наследников?

Об этом я даже не подумал.

– Он был... он оставил значительное состояние?

– Миллион или два, как мне кажется.

Мне понравилось, как это было сказано. Человек с размахом. "Миллион или два". Господи, разница между двумя миллионами и одним равняется целому миллиону!

Вслух я произнес:

– Вообще-то я не занимаюсь его состоянием, во всяком случае, пока. Меня интересует лишь факт смерти мистера Вайта. Естественно, вы знали его хорошо, и если имелись основания предположить, что он погиб не в результате несчастного случая...

– Не... несчастного случая? Что же это еще могло быть?

Он грациозно махнул узкой рукой с длинными пальцами, как будто отбрасывал прочь такой вопрос.

Я обратил внимание на то, что кожа у него на лице и руках была удивительно гладкой и чистой, ухоженной, без всяких морщин, как будто ее сшил для него какой-то дорогой портной.

– Любая смерть бывает вызвана одной из четырех причин, – ответил я, – естественные причины, несчастный случай, самоубийство и убийство. Я должен рассмотреть три последних возможности.

– Понятно. Полагаю, вы представляете родственников?

Мне становилось ясно, что я не слишком-то бойко добираюсь до сути этого дела. У Себастьяна явная тенденция говорить много, ничего не сказав. Во всяком случае, так было пока.

– Я представляю клиента, – ответил я, – по имени...

На этом я закончил. Не знаю уж почему, но я неожиданно решил не называть этого имени. Усмехнувшись, я добавил:

– Клиент.

– Я не намерен что-либо выяснять, мистер Скотт. Личность вашего клиента, естественно, не представляет для меня интереса.

Это было сказано вежливо, с белозубой улыбкой, но в его глазах я заметил какой-то недобрый блеск, после этого он заговорил еще более спокойно, чем до того.

– Я переговорил с полицией, – сказал я. – Они считают, что смерть мистера Вайта была несчастным случаем, поскольку нет доказательств противного. Однако мне известно, что он был на обследовании у доктора Витерса.

– Что? Вы...

Он остановился. В конце-то концов его невозмутимость не была такой непробиваемой. Мои слова его подстегнули, он даже не сумел справиться с удивлением.

– Каким образом вы это узнали?

– Узнал, как видите...

– Вы уверены? Обследование? Фантастика! С чего бы ему обследоваться?

– Можете меня не спрашивать. Я надеялся, что вы сумеете мне объяснить.

Он покачал головой.

– Только не я. Я не имею понятия... – Он замолчал, медленно пригладил седеющие волосы красивой рукой.

– Ага. Вы допускаете, что, возможно, он покончил с собой? Я прав?

– Пока я ничего не допускаю, мистер Себастьян. Вы часто с ним виделись, так ведь?

– Почти каждый день. Думаю, я угадываю ваш следующий вопрос, мистер Скотт. Нет, он не производил впечатления ни слишком нервничающего, ни безумного, ни психически неуравновешенного человека. Я уверен, что его смерть произошла в результате несчастного случая.

– Что вы скажете про убийство?

– Убий...

Он заморгал, закрыл глаза и открыл их. Люди частенько реагируют таким образом, а то еще драматичнее: вздымают кверху руки и кричат: "Убийство? Убийство! Ох-ах!" – как будто никогда не слышали, что людей убивают. Полагаю, что я больше привык к этому слову и к этому печальному факту, чем большинство людей.

Наконец Себастьян сказал:

– Но это же фантастично. Кто бы...

Телефон на его столе зазвонил. Он сказал: "Извините!" – взял трубку и заговорил. Впрочем, он больше слушал. В то время, как он договаривался о какой-то миллионной сделке или о чем-то еще, я стал внимательно осматривать его офис. За спиной Себастьяна находилась пара высоких окон от пола до потолка, разделенных двухметровым проемом стены. Во всяком случае, это была когда-то стена. Теперь же это место занимал знаменитый брус "Жизнь и Смерть" – творение Роберта Делтона. Это был продолговатый деревянный кусок размером в два квадратных фута шириной и восемнадцать футов высотой, на левой стороне которого Делтон изобразил "гениальное творение", за которое Юлисс Себастьян уплатил пятьдесят две тысячи долларов незадолго до того, как Делтон стал его клиентом. Рисунок или что-то подобное ему, был вмонтирован в стену, так что дерево было вровень с ней. Теперь никто бы не смог сказать, что когда-то это был здоровенный, самостоятельный брус, ведь в остальном это был самый обычный скверный рисунок в современном духе. Именно брус-то и был его отличительной особенностью. Какого черта было замуровывать его в стену? Не спрашивайте меня. Люди, связанные с Себастьяном, видимо, занимались подобными вещами. А ведь для этого пришлось ослабить всю проклятую стену, чтобы затолкать в нее это продолговатое чудовище. Но после проделанной операции "Жизнь и Смерть" больше не выглядела на пятьдесят две тысячи долларов.

Если хотите знать правду, я никогда и не считал эту деревяшку произведением искусства. Я полагаю, что нет ничего плохого в том, чтобы называть подобные штуковины шедеврами или творениями гения, если не считать того, что подобное восхваление уродливых скульптур, непонятной мази и прочих изобретений ловких "художников" умаляет достоинство подлинных произведений искусства, естественной красоты. Себастьян продолжал говорить по телефону, поэтому я поднялся и стал рассматривать фотографии на стене. Их было около двух десятков, большинство этих физиономий хорошо известны широкой публике. Все это были "знаменитости", лауреаты премий, имена которых ежедневно мелькали на страницах газет и журналов, в области театра, кино, телевидения, литературы и искусства. Среди них был портрет Роберта Делтона, парня, сотворившего "Жизнь и Смерть". У него была глуповатая физиономия с толстыми щеками и маленькие черные усики. На фотографии он был в белой рубашке, раскрытой у ворота для того, чтобы не закрывать волосатую грудь, могу поспорить! Был тут и Гарри Бэрн, энергичный малый с бросающейся в глаза белой прядкой в черной шевелюре, диктор и комментатор "Последних новостей" на местном телевидении. Он стал клиентом Себастьяна до опубликования своего бестселлера "Миф о советской непримиримости, который был высоко оценен в прессе. Я читал его и убедился, что это произведение ничего не добавило к нашим знаниям о Советском Союзе. Фактически, оно лишь все запутало.

Третьим с краю висел портрет пучеглазого профессора Картрайта с тремя волосиками на лысом черепе, который читал лекции по новой экономике в Калифорнийском университете. Он написал несколько книг, одна из которых возглавила список бестселлеров. В ней он развивал свою теорию о том, что для достижения процветания необходимо сжечь все деньги. До сих пор никто этого не сделал, насколько мне известно.

Себастьян положил на место трубку, а я возвратился на свое место. Опускаясь в кресло, я мог видеть из окна развалины на противоположной стороне улицы. Вот поднимается тяжеленная груша, с размаха ударяет в стену – и вниз обрушивается кусок бывшего банка. Отсюда это выглядело забавно и внушительно. Разрушать здания, сжигать деньги... Очевидно, атмосфера этого агентства начала действовать на меня.

– Очень сожалею, что так долго заставил вас ждать, мистер Скотт. Я не мог отложить решение данного вопроса.

– Все в порядке... Вообще-то мне безразлично, какова официальная версия гибели мистера Вайта, потому что я должен изучить все варианты. Это моя работа.

– Конечно.

Он энергично закивал:

– Мне это понятно. Однако возможность того, что его убили, мне представляется фантастичной. У Чарли не было настоящих врагов, во всяком случае, я таковых не знаю. Он был исключительно милым и приятным человеком.

Он долго обсасывал тему того, что не может вообразить человека, имевшего мотив убить Чарли. Когда мне это надоело, я спросил, не участвовал ли мистер Вайт во многих корпорациях с Джонни Троем.

– Он и Джонни имели большую часть акций троянских предприятий, которые, в основном, входят в корпорацию. Мое агентство владеет остальными акциями. Он вкладывал также деньги в недвижимую собственность, жилые дома, но я не про все знаю.

– Понятно. Еще один момент. Мне хотелось бы повидаться с мистером Троем, но у меня пока не получается. Может быть, вы сумеете мне подсказать, как с ним связаться?

– Боюсь, что это невозможно, мистер Скотт. Вы должны знать, что мистер Трой, ах, страшно чувствительный человек. А смерть Чарли явилась для него ужасным ударом.

Этому я мог поверить. Описывая Троя "ах, страшно чувствительным", Себастьян выразился весьма деликатно. Всей стране было известно, что Джонни Трой был настоящим неврастеником. Как у большинства клиентов Себастьяна, у него были странности. С виду он был здоровяком, но отличался болезненной застенчивостью и робостью, так что без Чарли Вайта буквально не мог и шагу ступить. Он даже не пел без Чарли. Он никогда не ходил в студию звукозаписи без него. Возможно, и в туалет он не решался ходить один. Они жили в соседних апартаментах в "Ройалкресте". Вместе купались и обменивались носками. Джонни Трой был самым крупным и самым лучшим певцом из всей лавины исполнителей. Нужно учитывать, что в это время пели все, у кого был голос и у кого его вообще не было. В десяти случаях из десяти вновь "испеченный" певец с помощью всяких ухищрений, вроде современных микрофонов, эхокамер, электронных усилителей и регуляторов частоты, которые "обрабатывали" звуки на ходу, напевал одну мелодию десять-двадцать раз, затем выбирали наиболее удачные куски ленты и сооружали комбинированный первый оригинал звукозаписи, с которого прессовали пластинки. Разумеется, никто из этих "синтетических" певцов не мог бы выступить непосредственно в телевизионном шоу. Техника была отработана давно: за сценой играли его пластинку, а "певец" лишь шевелил губами, беззвучно "синхронизируя" собственное пение. Зачастую получают накладку, когда синхронизатор то ли запаздывает, то ли опережает запись. Мы все это наблюдали неоднократно. Так вот, никакая техника и никакие ухищрения не могли превратить ни одного из этих "кумиров одного дня" в Джонни Троя. Голос у него был не только красивый, теплый, но самое главное – он был натуральный. И люди это сразу же понимали. Конечно, Джонни тоже пользовался микрофоном, но для него это была всего лишь золотая рамка, обрамляющая картину. Его искусство от этого не умахало. Ведь если высокий мужчина одевает ковбойские сапоги, все понимают, что он не коротышка, нуждающийся в каблуках! Но даже у Ахиллеса имелась его пята. И даже великий Джонни Трой, когда он выступал перед публикой или непосредственно по телевидению, синхронизировал свои песни. Не то, чтобы его мог подвести голос, наоборот, сам Джонни мог себя подвести, и публика еще больше ценила его за это.

Несколько лет назад, гласит история, еще до того, как Себастьян вывел его на широкую арену, Трой начал петь перед большим скоплением народа в ночном клубе и в полном смысле провалился. Он открыл рот, чтобы запеть, но у него получился какой-то хрип. Врачи называют это "истерическим напряжением", спазмом мускулов. Прошел целый месяц, прежде чем он смог снова петь. Так почему же так случилось? В тот вечер Чарли не сидел перед ним, как всегда. Это был самый первый раз, когда Джонни решился выступить в отсутствие друга, который своей мимикой, жестами, негромкими восклицаниями подбадривал его, внушал ему уверенность в себе. Не подумайте, что кто-то из них отличался гомосексуальными наклонно-

стями. Джонни Трой оставлял за собой широкую полосу в женском населении Голливуда, да и Чарли Вайт не отставал от него. И это были не пустые слухи. Я разговаривал с несколькими из "погубленных" ими дамочек, которые буквально не могли дождаться, когда их снова "погубят". Нет, связь между Джонни и Чарли была уникальной, хотя, возможно, и несколько болезненной. Факт невроза или психоза Троя был широко известен. Наоборот, о нем намеренно много говорилось, то ли из честности, то ли из весьма прозорливого понимания характера современных американцев. Каковы бы они ни были, но такая бьющая в глаза откровенность себя окупала.

Болезненная робость Джонни сделала его еще дороже его почитателям, ибо они в известном смысле чувствовали свое превосходство, а, как известно, гораздо легче преклоняться перед кумиром, у которого хотя бы одна нога глиняная. Так или иначе, Трой просто не мог петь, если поблизости не было его друга... Немного позднее мне пришла в голову мысль, с небольшим опозданием, правда: "Сможет ли петь Джонни Трой теперь, когда Чарли Вайт умер?.. Что, если у него пропал голос окончательно? Что, если на этот раз он уже больше не оправится от потрясения?" Такое предположение не могло быть по вкусу Себастьяну. Золотой голос Троя означал золотые альбомы с пластинками, прибыли для самого Джонни, для агентства, для троянских предприятий. Миллионы долларов пропадали в замкнутом горле Джонни. Судя по выражению лица Себастьяна, он думал о том же самом. Он только что заявил, что смерть Чарли явилась "страшным ударом" для Джонни. Теперь, глубоко вздохнув, он продолжал:

– Последние два дня Джонни замкнулся, ушел в себя. С тех пор, как это случилось. Не знаю, вполне ли вы понимаете...

– Думаю, что да. Я слышал, что он, как бы сказать... Чувствует себя не в своей тарелке, если рядом нет Вайта.

– Да...

Себастьян снова пригладил волосы.

– Это не секрет. Мы это обнаружили, когда Джонни первый раз должен был выступать с сольным концертом перед зрителями за несколько месяцев до выхода его первого альбома с пластинками. Зная его застенчивую натуру, мы попробовали начать с небольшого городка, постепенно увеличивая число присутствующих. Он всегда смертельно боялся сцены, но как-то справлялся со своими страхами и доводил выступление до конца. Так было до того злополучного вечера, когда Чарли не было в зале...

Снова раздался телефонный звонок.

Он нахмурился, пожал плечами и схватил трубку. Это заставило меня почувствовать себя виноватым. Возможно, его время было на вес золота, скажем, одна-две тысячи в час. Но к тому времени, как я закурил и сделал пару затяжек, Себастьян закончил и снова положил на место трубку.

Я заговорил:

– Ну что ж, если вы мне не можете помочь связаться с мистером Троем, я думаю, это все. И без того я отнял у вас достаточно времени.

Он переплел длинные тонкие пальцы.

– В конце концов, мистер Скотт, это решать самому Джонни, не мне. Пожалуй, я смог бы устроить вашу встречу. Уверен, мне он не сможет отказать. Он снова помолчал.

– Возможно, ему полезно немного поговорить об этом. Нужно же ему смириться со случившимся... Кто знает, мистер Скотт, не облегчит ли ваш визит мою задачу. То есть, если вы попытаетесь заставить его... нет, не заставить, а как-то встряхнуть его, извлечь из раковины, в которую он ушел, так сказать.

– Я не силен в искусстве уговоров.

– Будет достаточно, если вы сможете настоять на том, чтобы он ответил на ваши вопросы. Заставьте его задуматься о возможности самоубийства, даже убийства, хотя, как мне кажется, последнее вам не поможет. Я-то не сомневаюсь, что смерть Чарли была случайной, так что

ваши вопросы лишь подтвердят данный факт. Но для Джонни это будет полезно. И, конечно, для меня. Вы меня понимаете?

– Полагаю...

Раздался зуммер из маленького ящичка на столе Себастьяна, на его физиономии появилось раздраженное выражение. Он надавил на клавишу, женский голос произнес:

– Мистер Себастьян...

– Тельма, – рявкнул он, – я...

Отпустив клавишу, он поднялся и молча прошел к двери. Когда он открыл ее, мне было слышно, как он говорит:

– Я же предупреждал тебя не беспокоить меня, пока...

Дверь закрылась.

Очевидно, однако, Тельма сообщила ему что-то важное, потому что он не сразу вернулся. Я поднялся, вновь посмотрел на фотографии, затем остановился перед назойливо бросающимся мне в глаза – как его назвать? – "шедевром". Он поразил мое воображение. Действительно, всего лишь черная линия и красная клякса на здоровенном куске дерева. Художнику потребовалось максимум три минуты, чтобы все это нарисовать. Но, конечно, возможно, он месяцами думал, как их расположить... Повернувшись, я заметил под крышкой стола Себастьяна приблизительно на высоте колена маленькую белую кнопку. Один мой знакомый с помощью такой кнопки вызывал вооруженную охрану, когда это требовалось. У второго парня такая кнопка открывала его стальную дверь. Оба эти типа были аферистами.

Мне стало интересно, для чего понадобилась белая кнопка такому уважаемому джентльмену, как Себастьян. Поэтому я подошел и легонько нажал на нее. Я надеялся, что от этого его письменный стол не взорвется и все три образцово-показательные секретарши не влетят в кабинет. Знаете, что случилось? Стоило мне до нее дотронуться, как на столе Себастьяна раздался телефонный звонок, а я чуть не выскочил из окна от неожиданности. Конечно, я моментально вернулся на свое место и принял самую непринужденную позу, когда он торопливо вошел в кабинет. Он поспешно сел за стол, потянулся к телефону, вид у него при этом был озадаченный. Телефон больше не звонил.

Он снял трубку, послушал, нахмурился, потом взглянул на меня.

– Ох-ох, – подумал я, – видимо Себастьяну зачастую приходится "принимать важные решения" прямо на ходу, когда кто-то сидит против него в ожидании. Какой умный способ отделаться от назойливого посетителя. Очень ловко!

– Как странно, – сказал он, – на линии никого нет.

– Да? Возможно, это был тот же человек, который звонил вам в прошлый раз?

Мне, конечно, не следовало нажимать на эту проклятую кнопку. В черных глазах Себастьяна снова появился мимолетный огонек.

– Возможно, – сказал он. – Ну что ж, мистер Скотт, хотите ли вы, чтобы я договорился о встрече Троя с вами?

– Да, я был бы вам весьма признателен.

– Олл-райт. Поезжайте сразу же туда и позвоните из вестибюля, прежде чем подняться наверх. Вы ведь знаете, куда ехать?

Я кивнул.

– Приблизительно через час.

На 15.00 у меня была назначена встреча с доктором Витерсом. На разговор уйдет, как минимум, полчаса. Потом надо возвращаться в город.

Я сказал:

– Сейчас у меня есть еще кое-какие дела. В 16 часов будет о'кей?

– Вполне, мистер Скотт.

После этого он просто сел на свое место и посмотрел на меня. Мне ничего не оставалось, как подняться, поблагодарить его и откланяться.

Выходя из здания, я начал раздумывать кое о чем. Если Себастьяну было так важно, чтобы его не беспокоили, что он даже набросился на Тельму за то, что были звонки, почему он не попросил переключить его телефон на коммутатор? Не означает ли это, что те два важных телефонных разговора, которые он вел в моем присутствии, были в ответ на нажим коленом беленькой кнопочки? А коли так, какое важное решение он принял в отношении меня?

Глава 4

На другой стороне улицы против Государственного банка возвышался колоссального размера стенд, левую половину которого занимал портрет Хорейна М. Хэмбла, улыбающегося с профессиональным обаянием, правая же половина была выкрашена черной краской, на которой бросался в глаза написанный желтым призыв: «Президент Хэмбл может для вас сделать гораздо больше!»

Он еще не был президентом, но, по-видимому, эксперты посчитали, что такой призыв заставит колеблющихся доселе людей думать о Хорейне как о Президенте. Сторонников у него было много, потому что он был красив, остроумен, сексуален, очарователен и красноречив. Это не моя характеристика, я слышал ее от многих людей, которые считали, что этих качеств достаточно для избрания на высокий пост. У Хэмбла был голос, который мог заставить ангелов спуститься с неба. И в этом он напоминал мне Джонни Троя. Едва ли можно отрицать, что он для политики был тем же, чем Джонни для музыкального мира. Лично я считал их обоих самыми блестящими фигурами в шоу-бизнесе.

Наверное, вы уже поняли, что я-то был на стороне Эмерсона.

Дэвид Эмерсон не был красавцем, всего лишь человеком с приятной наружностью. Голос у него был самый обычный, с легким налетом уроженца Запада. Меня больше интересовало то, что он говорил, а не как он это делал. Человек он был грубоватый, порой резкий, твердо стоящий на земле, привыкший обращаться к Конституции США, а не к модным мыслителям, вроде "сжигателя денег" профессора Картрайта.

Эмерсон не обещал ничего невыполнимого, тогда как Хорейн М. Хэмбл, вроде бы более современный и прогрессивный, мне казался самым обычным краснобаем, спекулирующим громкими фразами и сулящим своим избирателям то, что он просто не мог бы выполнить. Но он настолько красиво и убедительно все это преподносил, что я почти не сомневался, что через три дня этот краснобай станет Президентом, после чего придут к власти его сторонники, которых туда не следовало бы подпускать на пушечный выстрел. Глядя на ослепительную улыбку Хорейна, я почувствовал, что у меня сдают нервы, и поспешно отвернулся. В этот момент оператор подвижного крана вылезал из кабины, он снял с головы фуражку, и солнце осветило его рыжие волосы. Это действительно был Джексон.

После фотографий в офисе Себастьяна и любования улыбающейся физиономией Хэмбла, мне ничего не могло доставить большего удовольствия, как перекинуться несколькими словами с грубоватым трудягой Джеком Джексонем, от которого пахло потом, а не французскими духами.

Я подошел к нему и крикнул:

– Здорово, Джексон!

Он увидел меня и поспешил навстречу, краснорожий крепыш с огненно-рыжей шевелюрой и ручищами, как окорока. Мы обменялись рукопожатием, и он сказал:

– Шелл, белоголовый проходимец, что привело тебя сюда?

Я же вас предупреждал, что он был сквернослов.

– Не желание повидаться с тобой, Джексон.

– Ну, не хочешь говорить, не говори. Послушай, мой парень построил уже шесть домов в Войл Хайтс. Целых шесть, можешь поверить? Зарабатывает больше меня, понимаешь?

Я был рад это слышать. Несколько лет назад с моей помощью его сына упрятали в окружную тюрьму на шесть месяцев за угон автомобилей, и в то время Джек не питал ко мне добрых чувств. Но наука пошла парню на пользу, он образумился и по собственной инициативе пошел в строительную организацию. Теперь он получал хорошие деньги, позабыв о прежних привычках.

– Он зарабатывает больше, потому что работает прилежнее, – поддразнил я, – он строит, а ты разрушаешь. Да к тому же через каждые двадцать минут делаешь перерыв.

– И как только язык поворачивается говорить такое? Я впервые прекратил работу с самого утра. Кофейный перерыв. Кроме того, если я буду работать слишком быстро, начнутся неприятности с тем, кто увозит обломки.

Он отстегнул плоскую фляжку с пояса, отвинтил крышку и хлебнул прямо из горлышка, сощурился, крикнул и облизал губы.

– По-прежнему употребляешь этот сорокаградусный кофеек?

– Человек должен поддерживать свои силы.

– А ты не боишься, что как-нибудь "перекофеишься" и стукнешь этим ядром себя по голове?

– Ни боже мой. После двух таких фляжек я могу спокойно сбросить муху со стены, не повредив ни одного кирпичика. Ну а кофеек, как ты сказал, мне нужен только для того, чтобы не спятить на работе. Возможно, тебе это кажется интересным и восхитительным...

– Да нет, не совсем!

– Мне моя работа действует на нервы, если хочешь знать. А иной раз у меня появляется какое-то дикое чувство, как будто я какое-то чудовище, которое должно разрушить эту улицу.

Обведя круг, я спросил:

– Что здесь происходит? Какие-то миллионеры строят новые банки и отели?

– Обновление города, они так это называют.

Так вот оно что, еще один проект перестройки города, которая никому не нужна, но оплачивать ее будут из федеральных фондов. По-моему, куда понятнее сказать "из моего собственного кармана".

Джек продолжал:

– Три квартала полностью будут снесены, вот этот и те два.

Он показал, какие именно.

– Ты хочешь сказать, что здание Себастьяна тоже?

– Да-а. За него примемся на будущей неделе, затем соседние с ним. Работы у меня будет выше головы, некоторые из этих старых зданий не так-то легко разрушить.

– Могу себе представить. Наверное, ты испытываешь неприятное чувство, когда это делаешь... А у тебя не возникали сомнения?

Возможно, возникали, из-за этого он и пил. Но, чтобы жить, надо работать...

Я снова посмотрел через улицу на смазливую физиономию Хорейна Хэмбла. Вот у него не было сомнений. Он был за всяческие модернизации и модификации и в городе, и в сельской местности.

– Ладно, Джек, у меня на 15.00 назначена встреча. Продолжай крушить.

– Мне и правда пора приниматься снова за дело, но все же минут десять я "сосну"... Не хочешь ли моего зелья?

Он снова взбалтывал фляжку.

Я протянул руку и поднес ее к губам.

– Спасибо. Выпью глоточек.

Чтобы добраться до учреждения Витерса, надо ехать по Бенедикт-Каньон шоссе к горам Санта Моника, затем свернуть на Хилл-Роуд. Через полмили имеется частная подъездная дорога, которая поднимается к очаровательному владению, откуда открывается потрясающий вид на соседние Беверли-Хиллз и Голливуд, а в погожий день даже на Тихий океан. Я проехал мимо раза три-четыре, но потом все-таки попал.

С доктором Витерсом я не был знаком. По дороге я припоминал все, что мне было известно о нем. Он разработал теорию нового лечения психических заболеваний, которую неофициально называли "витеризацией мозгов". Еще совсем недавно царствовавший психо-

анализ Фрейда с его "Комплексом Эдипа", заполнявший пьесы, сценарии, радио и телепередачи, был полностью забыт. Мистер Витерс стал новым героем, чуть ли не гением космического значения. Он писал книги, предисловия к книгам, рецензии на книги и на рецензии... и загребал по сотне долларов в час. Вот этого-то знаменитого человека я и должен был в скором времени увидеть. Свернув с Хилл-Роуд, я поднялся по асфальтированной дороге на высокое плато, которое, естественно, уже успели окрестить "Высотами вителизации", на котором раскинулось в антисептической белизне учреждение, которое иначе называли "Заведением Витерса". Было ровно 15.00. Увидев надпись "Место стоянки машин", я припарковался, поднялся по двум широким ступенькам и вошел в здание. Во внешнем офисе была кушетка, несколько стульев и столик с десятком непривлекательных журналов. За письменным столом сидела костлявая особа и что-то писала на белых карточках. Я усомнился, что она заносила в них мысли пациентов. Я сразу ее отнес к категории старых дев (ей было уже за тридцать), потерявших надежду расстаться официально или, на худой конец, неофициально со своей девственностью.

Я подошел к ней и заявил:

– Я – мистер Скотт.

Она кивнула головой и пробормотала:

– Вы можете присесть.

И продолжала писать. На ее столе раздался зуммер. Она перестала писать, посмотрела на меня и сказала:

– Можете войти, мистер Скотт... – добавила еще несколько слов, которые я не расслышал.

Вскочив с удивительно неудобного стула, я был уже у двери и нажимал на ручку, когда раздался истеричный вопль секретарши:

– Не сейчас! Я же сказала через минуту.

Слишком поздно.

Вы бы этому не поверили! Я неожиданно остановился и замер, превратившись, если не в полный столб, то во что-то подобное ему, издав какой-то нечленораздельный звук, потому что в это мгновение все слова вылетели у меня из головы. Представьте: через всю комнату мелкими шажками шла абсолютно голая молоденькая красотка. Я вас не обманываю. На ней совершенно ничего не было надето.

Единственным минусом было то, что она шла не ко мне, а от меня. Автоматически я ахнул. Наверно, этот звук произвел на нее такое же впечатление, как боевой клич диких индейцев на мирных поселенцев прошлых столетий. Девушка замерла на месте точно так же, как и я, повернулась и посмотрела на меня. Через секунду испуганное выражение исчезло с ее лица, она оказалась тоже немногословной, ограничившись лишь одним: "у-у-у-х".

Волосы у нее были цвета шерри: коричневатого янтаря с огоньком внутри. Они спускались кудрявой волной, закрывая половину ее лица, так что был виден лишь один прекрасный зеленый глаз. Она была высокой с потрясающей грудью, плоским животом и крутыми бедрами, ноги у нее были стройные и длинные, как у танцовщицы.

Такую девушку я с удовольствием пригласил бы на танец.

Она снова повернулась и без особой спешки прошла к той самой двери, к которой и направлялась до этого, открыла ее довольно широко, так что я успел заметить кусок стола, какие-то ширмы и кресла. Войдя туда, она снова обернулась и заперла дверь. Не захлопнула, а медленно прикрыла. Мне показалось, что она заулыбалась, но, возможно, я ошибаюсь. Вот так состоялось мое появление у известнейшего доктора Витерса. Нет, она не была доктором. Доктор все время сидел в огромном мягком кресле, но надо было быть круглым идиотом, чтобы в подобной обстановке обратить на него внимание. Он был невысокого роста с симпатичным розовощеким лицом и редкими русыми волосами, довольно бесцветными широко расставленными глазами, скрытыми за большими очками в роговой оправе. Я решил, что ему

около шестидесяти лет. Вокруг шеи у него был красивый шелковый шарф, концы которого были засунуты за вязаный джемпер розового цвета, костюм дополняли желтые брюки и высокие сапоги для верховой езды. Наряд попугая. Ему нужно было сбросить несколько фунтов лишнего веса. Чем-то он смахивал на голливудского Санта Клауса, побритого и готового идти на рождественское представление. В одной руке у него была бумага, во второй – карандаш. Он постучал по листочку и скомандовал:

- Раздевайтесь.
- Не хочу.
- Ох, послушайте, разве моя секретарша не объяснила вам процедуру?
- Нет.
- Таково требование. Это необходимо.
- Для чего?
- Для психоанализа.
- Что вы собираетесь анализировать?
- Ох, прекратите это глупое препирательство! – повысил он голос.
- Я совсем не глупец, не волнуйтесь. Что за прелестное создание отсюда только что

вышло?

- Мисс Плонк? Какое вы имеете к ней отношение? В каком смысле она вас интересует?
- Зачем вам это?

Он издал какой-то странный звук носом:

- Снимайте одежду, ложитесь на кушетку, и мы начнем.
- Нет. Понимаете...

– Очевидно, вы ничего не понимаете. Моя секретарша должна была вам объяснить. Это часть моей методики. Все мои пациенты должны полностью раздеться и лечь на кушетку.

- Зачем?
- Это поможет вам вместе с одеждой сбросить состояние подавленности.
- Мне – нет, наоборот.
- Мне придется прекратить нашу встречу, мистер Чэнг, если вы не желаете мне помочь.

Вы не хотите поправиться?

- Я не болен, черт побери. Я даже не мистер Чэнг.
- Вы не больны?
- Я абсолютно здоров.
- Невозможно. Все люди больны. Невоз... – Он помолчал. – Что вы имеете в виду, говоря,

что вы не мистер Чэнг?

- Кто он такой?
- Вы...
- Ничего подобного.
- А где мистер Чэнг?
- Откуда мне знать?
- Хм-м-м...

– Я приехал сюда вовсе не ради анализа или психоанализа, как вы называете, мне таковой не требуется. Я – Шелл Скотт, частный детектив, я приехал сюда, чтобы поговорить с вами о смерти Чарли.

- Вы – Шелл Скотт! – сказал он.

Я взглянул на часы. Да, я приехал точно в назначенное время. Поэтому я спросил:

- Кто же еще?

Он внимательно осмотрел меня.

- Кто еще? – повторил он растерянно и тут же поспешно добавил:
- Раз вы пришли сюда не ради психоанализа... Извините меня.

Он прошел по ковру в то помещение, где находилась та потрясающая голая девушка, и закрыл за собой дверь. Что за жизнь! Но через минуту он снова возвратился, сел на прежнее место и жестом пригласил меня сесть на кушетку.

Я сел. Потом он пробормотал:

– Извините, я ожидал вас в три часа.

– Я решил, что поскольку мне нельзя опаздывать, я постарался быть совершенно точным.

По-моему, он меня не понял.

– Вы хотели поговорить со мной о мистере Вайте?

– Да, он был одним из ваших пациентов, не так ли?

– Очень недолго. Практически мы даже не начали. Психоанализ, понимаете, требует нескольких лет.

– Это звучит, как старый фрейдизм...

– Нет! Ничего подобного! Мой метод совершенно другой, он противоположный. Вот в чем секрет!

– В отношении Чарли...

– Понимаете, – продолжал он, не сбиваясь со своего курса? – на протяжении многих лет я был ортодоксом фрейдистского анализа, вы об этом знали?

– Слышал краем уха, но...

– Лечил годами больных людей. Убедился, что их заболевание усиливалось...

– О Чарли...

– Если эта метода давала отрицательный результат, значит надо применять противоположную методику. Правильно? Делать обратное тому, что делалось прежде. Так?

– Так, – ответил я, чтобы не молчать.

– Мне пришлось переделывать каждое правило, закон, термин, срок и методику анализа.

И мне это удалось.

– Так родилась "Витеризация мозгов"?

Он поморщился.

– Молодой человек, должен вам сказать, что это выражение не нравится мне. Его не я придумал. Это репортеры.

Он выжидательно посмотрел на меня. После этого последовала целая лекция, из которой явствовало, что все термины прежнего психоанализа следует читать наоборот. Не выдержав, я сказал:

– Доктор, до сегодняшнего дня я воображал, что фрейдистская философия делать людей более слабыми, вместо того, чтобы делать независимыми, была самой идиотской вещью, о которой я когда-либо слышал. Но теперь, когда вы мне объяснили сущность вашей теории, – я повысил голос и благосклонно заулыбался, – я совершенно уверен, что в вашем анализе столько же смысла.

– Да, да, – закричал он, – теперь излечение человечества от всех психических заболеваний в наших руках! Страшно возбужденный, переполненный восхищением и любовью к собственной особе, он поднялся с кресла и взбрыкнул. Но тут открылась дверь соседней комнаты, и на пороге появилась очаровательная девушка, мисс Плонк, как назвал ее доктор. Она была полностью одета: белый вязаный костюм с красной отделкой, белые туфельки на высоких каблуках, в которых ее ножки выглядели лучше. Она действительно была потрясающей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.